

— Наследник князя, до вас черёд ещё не дошёл, — евнух Лянь нетерпеливо взмахнул пышной метёлкой-фучэнь. — Да оттащите же вы его!

Несколько дюжих стражников тут же схватили Цзян Цзибая и отволокли в сторону. Юноша рванулся изо всех сил, крича уводящему отца конвою:

— Отец!

Цзян Юньшань тоже вцепилась в край отцовского халата, умоляюще качая головой:

— Отец... не надо...

Цзян Юнь медленно поднялся. Он мягко высвободил рукав из пальцев дочери, бросил взгляд на Цзян Цзибая, тщетно пытавшегося вырваться из рук стражи, и повернулся к евнуху:

— Я пойду с тобой. Не трогай детей.

Евнух Лянь ответил с фальшивым, небрежным почтением:

— Князь, как и всегда, благоразумен.

— Отец, нет!

— Не ходи с ними!

Цзян Цзибай бился в руках стражи, на глаза от бессильной ярости наворачивались слёзы. Он слишком хорошо знал: в застенках Верховного суда умеют выбивать любые признания, калеча людей до полусмерти.

Цзян Юнь с невозмутимым видом последовал за евнухом Лянем наружу. Цзян Цзибай провожал его полным отчаяния взглядом. Губы его беззвучно шевельнулись:

— Не надо...

Цзян Юнь обернулся и сквозь тюремную решётку мягко улыбнулся сыну и дочери:

— Берегите себя и ждите отца.

Слёзы без остановки катились по щекам Цзян Юньшань, но она заставила себя улыбнуться и кивнула:

— Хорошо...

Монастырь Безмятежного Покоя

Вэнь Бай мирно стоял у лавки торговца, придирчиво разглядывая разложенные обереги и засыпая продавца вопросами.

— А какой лучше всего защищает от бед?

— Молодой господин, они все приносят мир и покой.

— Хм... А какой поможет сдать императорские экзамены?

— О, вот этот, с ликом владыки Куйсина!

— Этот? Уж слишком он неказист... А если для счастливого брака?

В итоге Вэнь Бай выбрал крошечный, изящный амулет — не ради успехов в учебе и не для поиска суженого, а просто потому, что тот приглянулся ему своей красотой.

В центре синего шёлкового узла красовался лотос, искусно вырезанный из семени белого бодхи величиной едва ли с фалангу большого пальца. Снизу свисала изумрудная шёлковая кисточка. Смотрелся оберег превосходно.

К нему неторопливо подошёл Чан Вэньчжэн и с усмешкой поддразнил:

— Ты, небось, жену себе с меньшим тщанием выбирать будешь. Для кого стараешься? Для зазнобы?

Вэнь Бай, не сводя довольного взгляда с оберега, весело отмахнулся:

— Да ну тебя! Какой ещё зазнобе? Это для Цзян Цзибая. У него скоро день рождения, вот и решил преподнести как подарок.

При упоминании имени Цзян Цзибая лицо Чан Вэньчжэна едва заметно изменилось. Совсем недавно пришла весть о том, что резиденция князя Юйсяня подверглась обыску и конфискации, а вся его семья взята под стражу. Вэнь Сюань строго-настрого запретил говорить об этом младшему брату.

Вэнь Бай тем временем вздохнул, его голос немного поскучнел:

— Вот только... не знаю, злится ли он на меня до сих пор.

В этот момент к ним неспешно приблизились Вэнь Сюань и настоятель монастыря. Старый монах по имени Цзеюань отличался нравом вольным и весёлым, охотно шутил с молодёжью и всегда легко находил общий язык с Вэнь Баем. Заметив тень грусти на лице юноши, он добродушно сощурился:

— Благодетель Вэнь Бай, гляжу я на твоё печальное чело и гадаю: уж не тревожится ли твоя душа о ком-то близком? Или, быть может, сердце твоё пленила тайная любовь?

Вэнь Бай поднял глаза и, узнав настоятеля Цзеюаня, в тон ему парировал:

— Сразу видно, мастер, вы и сами человек глубоких чувств и понимаете толк в мирских делах.

Настоятель ничуть не обиделся, лишь рассмеялся и обернулся к Вэнь Сюаню:

— Благодетель Вэнь, ваш младший брат одарён поистине золотым красноречием, старый монах перед ним пасует!

Вэнь Сюань вежливо поклонился:

— Мастер шутит. Мой брат ещё слишком юн и несмышлён, прошу простить его дерзость.

Настоятель Цзеюань бросил на Вэнь Сюаня многозначительный взгляд:

— Юность не помеха мудрости, и невеждой его никак не назовёшь. Благодетель Вэнь Бай — человек острого ума.

— Вы мне льстите, — рассмеялся Вэнь Бай, отмахиваясь.

— Не стоит скромничать, — улыбнулся настоятель.

Вэнь Бай одной рукой почесал затылок, а другой принялся весело крутить шёлковую кисточку амулета. Лицо его так и сияло гордостью:

— Ну, ладно, умом я, может, и не блистаю... но житейской мудрости мне точно не занимать!

Чан Вэньчжэн лишь молча покачал головой.

Вэнь Сюань, привыкший к подобному хвастовству брата, даже бровью не повёл.

А настоятель Цзеюань залился искренним хохотом.

Город Тяньюань

— Залезай!

Истерзанного, истекающего кровью Цзян Юня бесцеремонно швырнули обратно в камеру. Тяжёлая дверь со скрежетом захлопнулась, и замок зловеще щёлкнул.

Оба бросились к нему. Цзян Юньшань осторожно уложила голову отца себе на колени. Глядя на его бледное, едва дышащее лицо, она тихо, сдерживая рыдания, спросила:

— Отец... как ты? Где болит?

Цзян Цзибай опустился на колени рядом. Его голос дрожал от ужаса:

— Отец... очнись... умоляю тебя...

Его тело превратили в сплошное кровавое месиво. Кожа на спине полопалась от ударов, обнажая сочащуюся плоть. Цзян Цзибай боялся даже прикоснуться к нему, чтобы не причинить ещё большей боли. Он застыл рядом, скованный паникой, а по его спине струился ледяной пот.

— Какая жалость, — раздался в полумраке противный, вкрадчивый голос. Евнух Лянь неторопливо подошёл к камере. — Князь сам напросился на эти муки. Моей вины тут нет.

Цзян Цзибай рванулся к решётке и до побелевших костяшек вцепился в железные прутья. В его глазах полыхала ярость:

— Это ты... это ты сотворил с ним такое?!

Евнух Лянь безглаголиво отступил на пару шагов и прикрыл нос рукавом, словно спасаясь от смрада:

— Стоило лишь подписать признание, и всё бы закончилось. Но ваш почтенный отец заупрямился. Пришлось показать ему, каково шутить с правосудием.

— Лянь Чэнь! Ты лишь ничтожный пёс, осмелевший под защитой хозяина! — задыхаясь от гнева, выплюнул Цзян Цзибай.

При этих словах ухмылка сползла с лица евнуха. Его глаза сузились, превратившись в две ледяные щели, и он в упор уставился на юношу.

Заметив этот злобный взгляд, Цзян Юньшань похолодела от страха. Пытаясь сохранить остатки самообладания, она позвала брата:

— А-Янь, отойди от него. Вернись ко мне.

Евнух Лянь резко взмахнул своей фучэнь и процедил сквозь зубы сопровождавшим его стражникам:

— Вытащите оттуда наследника князя. Наверняка он знает много интересного.

Цзян Цзибай не отступил. Он смерил евнуха испепеляющим взглядом и выплюнул:

— Думаешь, я испугаюсь тебя, евнушье отродие?

— Вот и славно, что не боишься. Иначе забава вышла бы пресной, — притворно-сладким голосом отозвался Лянь Чэнь.

— А-Янь! — сердце Цзян Юньшань сжалось от ужаса. Она поспешно обратилась к мучителю, стараясь смягчить его гнев: — Уважаемый евнух Лянь, мой брат ещё совсем глуп и не ведаёт, что говорит. Проявите великодушие... умоляю, пощадите его!

— Сестра, зачем ты унижаешься перед этой швалью?! Он всего лишь...

— Замолчи, ради всего святого!

Сорвавшимся на крик голосом Цзян Юньшань оборвала брата. Схватив его за плечо, она силой оттащила его вглубь камеры и яростно прошептала ему в самое ухо:

— Ты хоть понимаешь, на что способны палачи из Управления императорских слуг?! Ты живым оттуда не выйдешь!

— Мал ещё, а язык без костей. Что ж, раз князь не сумел воспитать наследника, сегодня я лично займусь вашим обучением, — ядовито усмехнулся Лянь Чэнь.

Цзян Юньшань застыла, скованная полным бессилием. Она могла лишь беспомощно смотреть,

как грубые руки стражников волокут её брата прочь из камеры к пыточному столбу.

Цзян Цзибай не издал ни звука, пока его привязывали. На его мертвенно-бледном лице выступили крупные капли холодного пота. Пальцы были сжаты в кулаки с такой силой, что суставы громко хрустели.

Евнух Лянь наблюдал за тем, как палачи раз за разом применяли к юноше изощрённые пытки, но тот упорно хранил молчание.

— Ну же, кричи! — издевательски протянул евнух. — Где же твоё хвалёное красноречие, наследник князя? Что, прикусил язык?

— Ничтожная... цепная... псина, — выплюнул Цзян Цзибай сквозь плотно сжатые зубы, цепляясь за ускользящее сознание.

— Похоже, тебе здесь слишком вольготно, — ледяным тоном процедил Лянь Чэнь.

Он резко вырвал кожаную плеть из рук стоявшего рядом стражника и со всего размаха опустил её на израненные плечи юноши.

Свист разрываемого воздуха оборвался глухими, тяжёлыми ударами.

Удары сыпались один за другим, рассекая плоть.

Цзян Цзибай судорожно выгнулся, из его груди вырвался хриплый стон. Он запрокинул голову, жилы на шее вздулись, а глаза налились кровью от невыносимой боли, но он так и не доставил палачу удовольствия услышать мольбы о пощаде.

Отбросив окровавленную плеть, евнух Лянь подошёл ближе. Он грубо ухватил юношу за подбородок, заставляя поднять голову, и уставился на него безумным, полным скрытой злобы взглядом. Цзян Цзибай попытался вырваться, но пальцы евнуха впились в его лицо железной хваткой, причиняя новую, резкую боль. Превозмогая её, юноша продолжал смотреть на своего мучителя с презрением и вызовом.

— Все вокруг только и твердили, что наследник князя Юйсяня славится своей безупречной красотой и разумом, который острее меча, — заговорил евнух своим тонким, писклявым голосом, кривя рот в глумливой усмешке. — И поглядите на него теперь... Настоящее жалкое отребье.

Цзян Цзибай лишь смерил его презрительным взглядом, не проронив ни слова.

— Ты ведь всерьёз полагал, будто Его Величество все эти годы баловал тебя из чувства вины

перед твоим отцом? — Лянь Чэнь с каким-то болезненным упоением пытался растоптать гордость юноши, стремясь сломить его волю.

В глубине глаз Цзян Цзибай на мгновение промелькнула тень сомнения.

Евнух, заметив эту мимолётную слабость, торжествующе прищурился:

— Будь это правдой, ты бы сейчас не гнил в этих застенках. Он панически боялся твоего отца, а вместе с ним — и тебя. А вся его милость... ха-ха, глупый мальчишка! Он осыпал тебя щедротами лишь для того, чтобы поднять на недостижимую высоту. Ведь чем выше взлетишь, тем больнее падать! — Лицо Лянь Чэня исказилось в безумном оскале. — Ну же, Цзян Янь! Осталось ли в тебе хоть что-то от прежнего высокомерия?!

Цзян Цзибай низко опустил голову, его плечи мелко задрожали. Евнух Лянь довольно сощурился, предвкушая победу:

— Что, неужто зарыдал?

— Ха...

Из-под спутанных, пропитанных потом и кровью волос донёсся тихий звук. Это был смех.

Цзян Цзибай резко вскинул голову. На его бледных губах играла злая, издевательская усмешка:

— Тебе ведь только и остаётся, что смаковать чужие страдания, чтобы хоть на миг забыть о собственном ничтожестве, верно?

— Терпеть не могу гордецов, — с брезгливым раздражением бросил Лянь Чэнь. — Из тебя выбили всю душу, на чём держится твоя гордость?

— Я всегда буду выше тебя, — отрезал Цзян Цзибай. — Сколько бы власти ты ни заграбастал, ты останешься лишь жалкой, кастрированной псиной! Сколько бы ни выслуживался перед хозяевами — ты всего лишь уродливый евнух!

От ярости у Лянь Чэня помутилось в глазах. Схватив лежавшее в углях раскалённое клеймо, он с диким воплем прижал раскалённый докрасна железный штырь прямо к груди юноши.

Цзян Цзибай резко вскинул голову. Зубы сжались до треска, лицо исказилось в нечеловеческой судороге, а холодный пот крупными каплями покатился по щекам, капая на окровавленный пол.

— Больно?! — безумно верещал Лянь Чэнь, окончательно теряя рассудок от злости. — У меня припасена тысяча способов заставить тебя молить о смерти!

— Так давай же! — прохрипел Цзян Цзибай, сжимая кулаки. — Чего встал? По-твоему, я испугаюсь?!

Евнух позеленел от злости и прошипел:

— А если мы поболтаем с твоей сестрицей? На неё тебе тоже плевать?

Эти слова подействовали мгновенно. Цзян Цзибай рванулся вперёд с такой неистовой силой, что цепи зазвенели. Натянув путы, он сумел ухватить Лянь Чэня за шиворот. Его глаза налились кровью, а из груди вырвался яростный рык:

— Только попробуй тронуть её, мразь!

— Пшёл вон! — Лянь Чэнь испуганно отшатнулся, вырываясь из хватки. — Уберите его отсюда! И приведите Цзян Юньшань!

— Лянь Чэнь! Не смей! Я убью тебя! — кричал Цзян Цзибай, пока стражники тащили его обратно в темницу.

Вскоре привели Цзян Юньшань. Оглядев зловещую комнату, уставленную всевозможными орудиями пыток, она осталась на удивление спокойной. На её благородном лице не было того отчаянного упрямства и готовности умереть, которые горели в глазах её отца и брата.

— Ну что, госпожа удельная княжна, — гаденько улыбнулся евнух Лянь. — Ваш братец примерил на себя почти всё, что здесь есть. Из уважения к вашему происхождению я позволю вам самой выбрать развлечение на сегодня. Что скажете?

Цзян Юньшань тихо, безмятежно рассмеялась и ровным голосом спросила:

— Уважаемый евнух, слышали ли вы когда-нибудь поговорку: «Оставляй другим дорогу к отступлению, ведь пути господни неисповедимы»?

Евнух опешил:

— Что это вы бредите, княжна?

— И так, и эдак — смерть, — Цзян Юньшань чинно сложила руки на животе, сохраняя величественную, полную достоинства осанку, словно она принимала гостей в парадной зале, а

не стояла посреди пыточного каземата. — Мой отец терпел жестокие истязания, но так и не подписал признание. Задумывались ли вы, почему?

Пока Лянь Чэнь пытался осмыслить её слова, княжна спокойно продолжила:

— Отец понимал: признай он вину в измене, весь наш род вырежут под корень. Но пока признания нет, кара падёт лишь на его голову. Он выносил муки ради одной цели — сохранить жизнь мне и моему брату.

— А потому, уважаемый евнух, не рано ли вы сбросили маски? — в её голосе зазвучали ледяные нотки. — Если вы можете дать стопроцентную гарантию, что из этих стен мы с братом уже не выйдем живыми — что ж, развлекайтесь, терзайте нас, сколько душе угодно. Но если такой уверенности у вас нет... советую поостеречься. У моего отца осталось немало верных соратников в армии. А я, хоть и слабая женщина, памятью обладаю отменной и обид не прощаю.

Евнух призадумался. Взвесив все за и против, он бросил быстрый взгляд на стражников и кивком велел принести стул.

— Прошу вас, присаживайтесь, княжна. Нам незачем спешить, мы можем поговорить обо всём мирно.

Цзян Юньшань не заставила себя просить и с достоинством опустилась на стул.

— Если я не ошибаюсь, вы ведь заодно с канцлером Сюй Вэньюанем?

Евнух Лянь прищурился.

«Надо же, и это разгадала?»

Эта девчонка оказалась куда умнее и проницательнее своего импульсивного братца. Сидя взаперти в сыром каземате, она сумела разложить всю придворную шахматную партию по полочкам. С такой опасно не считаться.

— Мы с господином Сюем действительно находим много общих тем для бесед, — уклончиво ответил евнух.

Цзян Юньшань многозначительно обронила:

— Но вам ли не знать, уважаемый евнух... В чертогах императорского дворца не бывает вечной дружбы. Бывают лишь вечные интересы.

<http://bllate.org/book/19392/1999287>